

БОРИС ЧУЛКОВ

НЕЗРИМАЯ НИТЬ

ДЖОН КИТС
1795—1821

ОДА ОСЕНИ

1.

Пора туманов, радость нив и сада!
Ты с другом-солнцем шепчешься о том,
Как сплошь покрыть янтарным виноградом
Сеть лоз, что оплела наш тихий дом;
Как отягчить все яблони плодами,
Чтоб сочные сгибали ствол дугою;
Как сладкие сердца орехам дать;
Как тыкву сделать толстой и большою;
Как вновь и вновь одеть луга цветами:
Пусть в улыи — бесконечными дарами —
Мед будет притекать и притекать.

2.

Кто не видал тебя в твоих владеньях —
В амбаре, на гумне и на току?
Устав, сидишь без мысли, без движенья,

Лицо и прядь подставя ветерку.
Иль жнешь — и на полоске засыпаешь,
Пьяна хмельным дыханьем диких маков, —
И серп щадит и колос и цветок;
Или снопы до наступленья мрака
Через ручей на голове таскаешь;
Иль час за часом прессом выжимаешь
Из яблок — до последней капли — сок.

3

Зачем грустить о нежных песнях мая?
Что нам они! Ведь ты поешь милей:
Когда закат, над жнивьями пылая,
Багрит и облака и ширь полей,
Мы слышим и звучащие минорно
Напевы мошкары, что вьется роем
На берегу вокруг плакучих ив,
И блеянье овец на водопое,
И острый звон кузнечиков задорных,
И крик прощальный ласточек проворных,
И красногрудки чистый перелив.

ОДА СОЛОВЬЮ

I

И в сердце боль, и разум помутился,
Как если бы отравленный настой
Я выпил — и в забвенье погрузился,
Захлестнутый Летейскою волной.
Но нет, виной тому не зависть к счастью
В прибежище мелодии зеленом, —
Я слишком счастлив счастьем твоим,
Что ты с такою страстью
Поешь, столь полногласно и влюбленно,
Лесной божок, весною одержим.

II

Вина б сюда, которое стояло
Века в земной прохладной глубине,
Что дух полей и зной в себя впитало
Со смуглой пляской, с песней наравне!
О, жаркого Прованса полный кубок,
Бокал румяной влаги вдохновенья,
Где с краю тает бисер пузырьков!
О, пурпурные губы! —
Испить бы всё! —
И пусть хоть мир — из зренья!
Хоть пропаду с тобой в глуши лесов!

III

Исчезнуть, все из памяти стирая,
Чего ты средь листвы и не знавал:
Тоску, мученья, боль земного края,
Где плач, стенанья, старости оскал,
Где немощною дрожью бьет седины,
Где юность бледной смертью умирает,
Где мысль свинцом отчаянья полна,
Где мысль и скорбь — едины,
Где и краса очами не блистает,
Любовь же чахнет, чуть лишь рождена!

IV

О, прочь! К тебе! Мир этот покидаю,
Не колесницей Вакха унесен,
А на крылах Поэзии летая,
Презрев рассудок с тьмой его препон.
Уж я — с тобой! И ночи нет нежнее:
На трон уже взошла Луна-царица,
Вокруг нее — рой звезд, небесных фей:
Но твой приют — темнее,
Лишь ветерками легкий свет струится
Во мшистой мгле, сквозь кружево ветвей.

V

Что за цветы у ног — не различу я,
Ни тонких ароматов — чьи они;
Лишь смутно я угадываю, чую
Здесь, в благовонной, при Луне, тени,
Цвет яблонь, белоснежные их косы,
Боярышник серебристый, под листвою —
Гвоздики... вот фиалки блеклой дух...
Вот гордость Мая — розы:
Он, пестун, их налил вином-росою,
А летом в них — приют жужжащих мух.

VI

Целительницей Смерть не раз и прежде
Казалась мне: полувлюблен в нее,
Я пел ей славословия — в надежде,
Что примет дух в иное бытие;
Но сколь острее сейчас во мне желанье
Оставить этот мир без мук и страха
Под излияние души твоей,
 Под это ликованье!..
И да звучит — не слышный мне — над прахом
Твой реквием высокий, Соловей.

VII

Ты — жизнь в веках! И никакие гунны
Не принесут тебе в грядущем смерть;
Чему внимал я ночью этой лунной,
Тому же встарь и царь внимал и смерд;
И душу Руфи та же песнь ласкала,
Когда она, томясь по дому, в горе,
На чуждом поле изошла в слезах;
 Та ж — окна растворяла
В покоях жен, с тоской смотревших в море
В волшебных и утраченных краях.

VIII

Утраченных! Как колокол, то слово
Вещает мне, что вновь я одинок.
Фантазии не выдумать такого,
Какой мираж ты, эльф, навеять смог.
Прощай! Твой гимн печальный замирает,
Над лугом за ручей летя из рощи, —
Вот он в тиши долины погребен...

Но что ж всё означает?
Сон наяву ли это? Или проще —
Лишь только греза? Или просто сон?